

Мы познакомились, когда мне было восемнадцать, а Эдуарду Побужанскому – двадцать один. Я училась на филфаке, он – на журфаке, мы оба писали стихи. Осень, кинотеатр, один пирожок с мясом на двоих. Что из этого могло получиться? Правильно, ничего. Побужанский был самонадеянно уверен, что влюблен без памяти, я – столь же самонадеянно, – что это неправда.

Время показало, что я была права, конечно. Но вот в чем я была абсолютно уверена, так это в том, что Побужанский – поэт. Не мальчик, который пишет стихи, как многие мальчики, точнее, как лучшие из них.

А именно настоящий поэт – со своим голосом, со своим складом стиха, с собственным словарем и удивительно точным душевным камертоном.

Он умеет надолго оставаться в памяти. Умеет приметить в нас то, что делает нас людьми. Хорошими людьми. Просто слабыми. Обыкновенными. Живыми. В заглавном стихотворении сборника Эд Побужанский скромно признается: «Не поэт я – между слов пробел». Пожалуй, это лучшее, что может сказать о себе настоящий поэт. Потому что без пробелов даже лучшие стихи превращаются в бессмыслицу. И если нету выдоха – значит, это был не вдох.

ПУГОВИЦЫ

«Вы, русские, всегда все усложняете, –
вздыхнул чешский поэт и переводчик,
закрывая мою книгу. –
Кому сейчас нужны рифмованные стихи?
Разве что детям!
Рифмы сегодня так же нелепы,
как пуговицы на голом теле!..»
Я промолчал.
Мне было неловко признаться,
что в детстве,
когда приезжал на лето
к бабушке,
я любил перебирать
разноцветные пуговицы
в жестяной коробке.
Перламутровые, деревянные, стальные,
разных форм и цветов –
они казались мне настоящим
сокровищем!
Я даже хотел стащить одну,
желтую пуговицу со звездой,
чтобы выменять ее
на рогатку...
А когда мы с дружкой Сашкой
убегали на озеро,
то возвращались домой
только под вечер,
когда июньское солнце
закатывалось за горизонт,
словно большая
красная пуговица.

ПРОСТОР

Чем дальше в лес, тем ниже солнце,
А на краю вселенской тьмы
Стоят вплотную мачты-сосны
И ловят космоса шумы.

В НИИ сидит ученый мрачный,
Пред ним приборов арсенал,
Но не они, а эти мачты
Из бездны выловят сигнал.

А на другом краю Вселенной
Мальчишка руки распростер –
Так тонким телом, как антенной,
Он ловит вечности простор!

СТАРУХА

А кошки эти – семья старушья:
Семь во дворе да в квартире три.
Но даже те, кто живут снаружи,
У нее, у старой, тоже внутри.

Утром выйдет во двор и в плошки
То супу нальет, то молока.
Известно всякой бродячей кошке,
Что пахнет лаской ее рука.

Старуха стала почти неходячей
(Ах, ножки! – будто на каждой пуд),
А все выходила к родне кошачьей –
Кормила, жалела...

Может, врут,
Но говорят, когда гроб выносили,
Кошки в округе всей
Голосили.

РАЗГОВОР

Я начал разговаривать с котом.
И с радио. А что потом, Алиса*?
Покрыться мхом и снулым стариком
Поглядывать в окно с тоскою кислой?

Я начал разговаривать с собой.
И рад бы пошутить над этим, рад бы...
Но вышел разговор как ближний бой –
На расстоянье вытянутой правды.

Я начал разговаривать с отцом.
Мы были с ним полжизни не враги ли...
И вот я тут. Седой. С его лицом.
Реву и рву пустырник на могиле.

ЗВОНОК

Каждый недавно умерший
получает право
на один короткий звонок –
чтобы только сказать,
что с ним все в порядке.
Обычно звонят детям,
реже – родителям,
звонят мужьям и женам
(иногда даже бывшим!),
и почти никто
не звонит
на работу,
в церковь,
в больницу,
в собес.
Никто не звонит
на прямую линию с президентом
или экстрасенсу
из известного телепроекта.
Говорят, таких номеров
даже нет в телефонной книге.
Есть только эти:
мама, папа,
сын, дочь,
любимый,
любимая...

* Алиса – голосовой помощник «Яндекса».